

Апологетик
Арефа, архиепископ Кесарийский

Предисловие

II. События в пелопоннесе В 934–935 гг.

Апологетик содержит важные исторические материалы, которые по-новому представляют события в Пелопоннесе в 934 г., характеризуют с новых сторон византийское общество времени Романа, объясняют раскол в классе византийского духовенства, дают важные биографические сведения о самом Арефе и выводят на сцену политической истории новых лиц.

Для определения времени событий, о которых рассказывает Апологетик, мы располагаем следующими данными: Арефа говорит о своем семидесятитрехлетнем возрасте; в ученой литературе принято мнение, что он родился около 865 г., следовательно время написания Апологетика нужно бы определить приблизительной датой: “около 938 г.”; вместе с тем из истории Пелопоннеса при Романе известно, что в Пелопоннесе в 934 г. происходили политические события, их-то мы и должны связывать с данными Апологетика о тиранническом замысле против Романа, а год рождения Арефы определять не приблизительно, а точно – 861. В сочинении *De admin. imperio* (р. 320–324, сар. 50) Константин рассказывает: в царствование императора Феофила (829–842) Пелопоннес попал в руки славян. С течением времени славяне Пелопоннеса были частично вытеснены, частично подчинены империи, но два славянских племени (Σκλαβηροί) – милинги и эзериты удержались в горах Лакедемона, хотя и их стратиг Феоктист заставил стать в зависимость от империи, они должны были принять от стратига архонта и платить дань: милинги – 60 номисм, эзериты- 300; но во времена императора Романа стратиг Пелопоннесской фемы Иоанн донес императору о восстании милингов и эзеритов,¹ они объявили себя автономными и не приняли от стратига архонта. Между тем, стратигом Пелопоннесской фемы вместо Иоанна был послан Кринит, который вел успешную войну с восставшими с мая по ноябрь (это было, как устанавливает Ренсиман, в 934 г.) и заставил и милингов и эзеритов платить значительно большую дань – в 600 номисм. Кринит после этого был перемещен стратигом фемы Эллады, в Пелопоннесе же произошли раздоры между новым стратигом Пелопоннесской фемы, протоспафарием Варзой Платипозой, с одной стороны, и другими подчиненными ему стратигами и архонтами, с другой стороны, причем протоспафарий Лев Агеласт был изгнан из своей фемы. Одновременно славянские племена (Σκλαβηροί, не эзериты и милинги) сделали натиск на Пелопоннес и

вторглись в Пелопоннесскую фему. В это время эзериты и милинги изъявили готовность подчиниться Роману на прежних условиях, имевших место еще до Кринита. Император дал согласие из боязни, что при отказе милинги и эзериты примкнут к вторгшимся в Пелопоннесскую фему славянским племенам (Σκλαβησῆσαι). Сопоставляем эти события с одновременным в 934 г. вторжением в пределы империи венгров. Продолжатель Феофана, (1. VI, § 37), равно как и Симеон Магистр, сообщает: “произошло первое нападение турок на римлян 7 индиктиона в апреле. Они в своем набеге достигли Константинополя и разграбили всю Фракию. Был послан для обмена пленными патрикий Феофан протовестиарий... царь не пожалел денег на выкуп пленных”. Движение венгров на Византию объясняет нам, почему славянские племена вторглись в пределы Пелопоннеса: они были теснимы с тыла венграми или же действовали совместно с венграми. Несогласие между протоспафариями в Пелопоннесе в это тревожное время, когда Пелопоннес был под угрозой нападения милингов и эзеритов с юга и вторгшихся славянских племен с севера, в свою очередь, находит объяснение в Апологетике Арефы, именно в тираническом заговоре. Тиранические заговоры против правящего императора были особенно удобны в то время, когда империя колебалась под натиском противников (многочисленные примеры представляет тот же X в., Роман Лакапен сам воспользовался подобными затруднениями Византии, чтобы достигнуть власти), стремившиеся к захвату власти нередко вступали в сношения с противниками империи (так поступил, например, Калокир в годы войны Святослава с греками). Теперь, опираясь на Апологетик, мы можем утверждать, что именно тиранический заговор против Романа лежал в основе борьбы между протоспафариями; в этом заговоре какое-то участие принимали протоспафарии Николай и Фома из Тегеи, причастен к заговору был, вероятно, и Арефа, несмотря на все его опровержения.

На фоне этих событий Апологетик приобретает особую значимость для определения всего положения империи, в частности пелопоннесских дел в 934 г.

Апологетик характеризует Арефу, равно как и борьбу среди духовенства. Примечательны самовосхваления Арефы, оправдание которым он видит в словах апостола Павла (см. примечания к тексту Апологетика). Вот пример этих самовосхвалений: «Кто я? Архиерей первого и величайшего престола, занимаю второе место по патриархе, с детства изощрен по божьей милости в самых прекрасных добродетелях, зримый, как некий светильник благочестия, в духе Христовом,» или в

другом месте: «Вам известны мои дела. Каковы они? Почтенны, целомудренны, для всех завидный пример, и их вы поносите, им делаете вред, но не дано руке грешников столкнуть меня».

Противники Арефы выдвигали против него политическое обвинение, обоснованное, по словам Арефы, на плястографии: «Я подвергаюсь клевете на основании подделки грамот», «Он [Симватий] сочиняет грамоты, примазывая меня к тираническому заговору».

Обвинителями были духовные лица, и дело разбиралось церковным судом. Арефа пытается объяснить причину клеветы враждой к нему духовенства. Раскол среди духовенства очевиден. Приводим эти любопытные места: «Да не победит клир грешников», «И какая причина, что мои церковнослужители выступили с обвинением против меня? Воздаяние злом, ибо мы следуем за благом, воздерживаемся от общения с преступлениями неких людей. Разве не должны бы они чтить и высоко ценить истолкователя этих деяний?». Особенно важно место: «Но кто и с какой целью пустился на подобные выдумки? Это дело безумцев и беспринципных монахов. Не осмеивал ли я их всяким смехом, не издевался ли всегда над ними, называя их апокалюптариями (αποκαλυπταριοί)... Что же могло быть после этого? Непримируемая вражда произошла у нас, и мы безжалостно двинулись друг против друга». Апологетик приводит замечательные строки о двух группах духовенства: нового, светски-образованного, карьеристов и сторонников силы – с одной стороны, монашеской массы – с другой. Враги Арефы воспользовались Симватием, который предоставил им материал против Арефы. Кто такой Симватий и в каком отношении стоял он к Арефе? Симватий, по данным Апологетика, также духовное лицо. Он занимался доносами – τὰ ἑτέρων ἀνερευνόμενα οἰκία. Он пытался в свое время возвести клевету на митрополита г. Патр, но был уличен и, по настоянию Арефы, сослан патриархом в Студийский монастырь: «Кричит весь Пелопоннес об этой гадине, и особенно архиерей г. Патр, потому что и ему устроен подлог – под его руку написан документ о наследстве, как и многие другие вкусили его подлости», и ниже: «По причине разврата он был сослан патриархом в Студийский монастырь под стражу, и известно ему, что он, по моему настоянию, испытал это. Он воровским образом послал царю грамоту против митрополита г. Патр при ограблении казенных денег, причем он, негодный, был уличен в клевете». Арефа ссылается также и на другую клевету Симватия: «Дело идет о Николае протоспафарии и Фоме протоспафарии из Пелопоннесской Тегеи, которых Симватий сюда послал под стражей, он возвел на них обвинение в том, что они строят козни

против царя и диадемы. К ним присоединил он и славного поэта Хрисохоа». (К сожалению, об этих лицах мы не имеем сведений из другого источника.) Симватий донес и представил письмо Арефы (επιστολίδιον), в котором Арефа будто бы вовлекал Симватия в тиранический заговор. Арефа не совсем ясно говорит о каком-то слезном раскаянии перед ним Симватия. Можно установить, что между ним и Симватием перед доносом Симватия на Арефу устанавливались дружеские отношения; но против возможности писать о заговоре Симватию Арефа приводит следующие доводы: он не мог бы довериться в этом деле человеку, лично им еще не испытанному, да еще и сноситься с ним через значительное пространство при помощи третьих лиц. Вместе с тем он заверяет в своей преданности императору Роману: «Почему же я мог преступно дерзнуть на получившего от бога царскую власть, в особенности, когда он прилагает честь к нашей чести, за что мы в величайшей мере причисляем его великое и боголюбивое деяние к церковному миру, выражая надежды на его долголетнюю власть какое мнение и живет в народе».

Доказывая подложность обвинительного материала, Арефа ссылается на то, что в его время суды переполнены фальшивыми документами: «Я же, если и ни один закон не отвергает подлинности документов, а также совокупности признаков, все же могу сказать, хотя и кратко, так как полны судопроизводства подобными злодеяниями – и столько дней! они распознаются и уличаются, хотя и похожи на подлинные документы». Арефа жалуется, что его дело не доведено до сведения царя, а решено внутри церкви без настоящего суда и отмщения: «Когда вы услышали, что он сочиняет грамоту с обвинением в тирании – а прошло столько времени – вы не донесли царю, а придержали у себя неразобраным и неотмщенным судебное дело», «не послали к царю приготовленную нам западню и гибель?». Арефа был осужден судом церкви, об этом он говорит глухо, но это следует из текста: «многие другие вкусили его подлости. И чтобы не говорить впустую и для кого-нибудь непонятно: мудрым судом [ирония] главы божьей церкви осужден на семилетний срок, из-за развратных языков изгнан из божественных церквей».

Обвинение против Арефы в тирании было концом его карьеры. Произошло это спустя какой-нибудь год после избрания патриархом Феофилакта, о возведении которого на патриарший престол так хлопотал Арефа.

Апологетик

Ф. 94 Этот апологетик произнесен в то время, когда пытались при помощи писем примазать ему построенное на плястографии обвинение в какой-то тирании в Пелопоннесе.

Не к чести мне составлять апологию, по поговорке «из-за вымысла фантазий», и бог-отец говорит, что это случилось с ним: «Онемел и унижен и смолк о благе и скорбь моя возобновилась». Что за необходимость противопоставить негодьям нашу пристойность обольщая душу, разбавляя, как в харчевне, вино беспорочности водой злодейства? Но, чтобы не дать основания, что мы уличены безгласием по признанию за собой того, что наклеветали на нас, – мы выскажем строгое и простое и согласное с нашим характером. Достаточно уже по времени произносить защитительные речи вместе с Сократом, сыном Софрониска. Теперь я в первый раз, пожалуй, и в последний – да не победит клир преступников-подвергаюсь клевете в установлении тирании на основании подделки грамот, я, достигший семидесятитрехлетнего возраста. Кто я?! Архиерей первого и величайшего престола, занимающий второе место по патриархе, с детства изощряемый по божьей милости в самых прекрасных добродетелях и в безупречном образе жизни, зримый как некий светильник благочестия всеми в духе Христовом.

Да не будет зависти и обвинения в самовосхвалении, так как по необходимости из-за обвинителей эти речи, а не по хвастливости и самомнению, ибо и Давид выставляет свои подвиги против зверья, еще до этого никому неведомые, совершив единоборства против хвастуна Голиафа, и божественный Павел возвестил о чудесных подвигах и о восхищении до третьего неба. Он говорит: «Я безумец и хвастун. Ясно, что вы меня к этому принудили. Ведь – говорит он – вам бы надлежало хвалить меня». И вот апостольское слово кстати для нас. Скажу, конечно, и сам я, позаимствовав у него: «Вам бы надлежало хвалить меня, вам, которым известны мои дела. И каковы они? Почтенны, целомудренны, для всех завидный пример, и их вы поносите, им делаете вред; но не дано руке грешников столкнуть меня, и не поносить меня безумцу, не безумцу уже, конечно; а это так, – да и к тому же замаранному всякой нечистью всякого зла, какое только бывает в думе зло-вредной, какое только бывает в теле, и притом он обнаруживает косноязычность, как примету этих свойств. И не простая это речь, но и злостные обвинители. Кричит весь Пелопоннес об этой гадине, я особенно, архиепископ города Патр в Пелопоннесе, потому

что и ему устроен подлог – под его руку написан документ о наследстве, как и многие другие вкусили его подлости. И чтобы не говорить впустую и для кого-нибудь непонятно: мудрым судом главы божьей церкви осужден на семилетний срок, из-за развратных языков изгнан из божественных церквей. И оставить без внимания столько и таких похвальных деяний, быть поруганным от своих церковнослужителей, защищаться как раз при обнаружении такого позора? Не противно ли это богу и взирающим на бога? И какая причина, что мои церковнослужители выступили с обвинением в этом против меня? Воздаяние злом, ибо мы следуем за благом, воздерживаемся от общения с преступлением неких людей. Разве не должны бы они заботливо чтить истолкователя этих деяний и обращаться благосклонно и беречь тех, которые знают благо истолкования похвального, или уже бессовестно представить на суд царю и сопутствовать злодеянию своим ненавистным и поспешным сочувствием, связаться с преступником? Но обратимся к обвинению. У Симватия, говорят, на основании вашего письма донесение к царю, и это достоверно, основанное на заверенных документах вашей руки. Я же, если и ни один закон не отвергает подлинности заверенных документов, а также и совокупности признаков, – все же могу возразить, хотя и мягко, так как полны судопроизводства подобными злодеяниями – и столько дней! – они распознаются и уличаются, хотя и похожи на подлинныя документы. Разве благоразумные доверяют еще им и откроют двери подобным махинациям? Хотел бы я этого. Справедливой же мыслью полно слово. Как скрыться сочинителям этих подлогов, доносчикам на самих себя, которым и самим надлежит погибнуть или коварно губить на основании подобия грамот, что и произошло с детьми Герода, сына Антипатра, по безумию Дориды, их родной сестры. Посмотрим только на то, что относится к Симватию. Скажи, по крайней мере, каким образом в этом дерзком деле я вошел в сношения с Симватием, какой дружбой к нему руководился я и какими корыстными целями? Какой цены донесение? Я муж первого ранга среди епископов, мог ли поднять на подобную дерзость человека, известного мне только по имени, едва только пытавшегося войти со мной в дружбу? Не по этой ли причине я воспользовался первым письмом? Или я уже так ошибся в расчете, что извещал в письмах о том, что с трудом передается из уст в уста, и это при таком пространственном расстоянии и в грамотах, запечатанных восковой печатью, и через людей, знакомство с которыми не было испытано мной продолжительно и достоверно, и держание которых не было установлено опытом и временем? Почему же я мог преступно дерзнуть на получившего от бога царскую власть, в особенности когда он

прилагает честь к нашей чести, за что мы в величайшее мере причислили его великое и боголюбивое деяние к церковному миру, выражая надежды на его долголетнюю власть, какое мнение живет в народе? А я поступил так вредно и пагубно в отношении его? Но кто и с какой целью пустился на подобные выдумки? Это дело безумцев и беспринципных монахов. Не осмеивал ли я их всяким смехом, не издевался ли всегда над ними, называя их апокалюптиариями (αποκαλυπτᾶριουV)? Или, достигнув границы жизни, скатился я проклято до суетных дел и ложных безумных деяний? Что же и могло быть после этого? Непримиримая вражда произошла у нас, и мы безжалостно двинулись друг на друга. Что заставило этого Симватия, человека, одержимого гневом и страстью, пропустить такую нашу пагубу и не сообщить царю о приготовленной нами западне и гибели (О, сотрясающий землю и возмущающий небо!)? Он следит за домами других, так что ему было бы кстати открыть подобное и против нас. Или и волк отступил, разверзнув пасть, по поговорке. Но разве он, обсчитавшись, не дал против себя благоразумным следственным материалом в апологию, чтобы уличить в величайшей бессмыслице клевету на них? Дело идет о Николае Протоспафарии и Фоме Протоспафарии из Пелопоннесской Тегеи, которых Симватий сюда послал под стражей; он возвел на них обвинение в том, что они строят козни против самого царя и диадемы. К ним присоединил он и славного поэта Хрисохоя. Итак, он не остерегся от такой столь ясной лжи обвинения. Действительно, если он взял ту представленную грамоту, чтобы приладить как бы другую руку Арсения, чего ему сделать? А откуда он мог взять, пусть скажет этот проклятый. По причине разврата он был сослан патриархом в Студийский монастырь под стражу, и известно ему, что он по моему настоянию испытал это. Он сочинил к царю грамоту против митрополита города Патр по поводу ограбления казенных денег, и был он, негодный, уличен в клевете. Если же и против меня он имел бы что-нибудь подобное, как бы он с величайшей готовностью не передал бы мою пагубу царю, если бы он этим располагал и если бы не сделал чего хуже? Но он не имел материалов, потому что не было еще изготовлено злодеяние добрыми братьями, позднее предоставленное ему. Пусть он скажет, откуда или когда или от кого это происходит. Оно происходит от Симватия и в то время, когда они явные безумцы и безбожники, вошли между собой в соглашение сделать подобное злодеяние и вооружить таким образом при помощи того человека, у которого произошло в письме горячее раскаяние с жаркими слезами, чтобы добиться прощения достойных; таким образом безрассудно под влиянием злонамеренных людей поднял вражду против нас тот, кто

так изливал свое сожаление в своих грамотах перед нами. Вот и доверие к тому, кто, с одной стороны, добивается от нас сострадания, а с другой – враждебно расположен, к нам, питает к нам такую вражду, что передает гибельные для нас книги. Если разумно, да обратят внимание, если же это обольщение неправдой, то все остальное в доносе принадлежит вам. Но я знаю, что этот негодяй, подстрекаемый безумцем, обхаживает и воодушевляет клеветников, чтобы иметь возможность представить свидетелей, которые будут показывать, согласно с подручным им Симватием, доложившим эту плястографию. Но что эти самые выдумки не ниже дологафии, это отсюда можно узнать. Я скажу: узнайте-ка, когда Симватий доложил вам это письмецо, оставался ли он еще верным другом или склонялся к вражде к нам. Но если друг, он самый зловерный из всех. Что было у него в цене и оставалось до времени тайной, он благоразумно не разглашал, но вовремя выступил, подняв тираническую пыль несчастий. Если же вот вспыхнула ненависть, не было ли благоразумнее ему решить совершенно погубить нас: ни во что поставить вашу осведомленность, но к царю послать неопровержимые доказательства нашей гибели. Я же думаю, безрассудно из-за ваших выдумок нам бояться страха, где нет страха, по неразумию вашему. Разве только вот вопрос: по любви ли к нам Симватия или по вражде? Когда вы услышали, что он сочиняет грамоту с обвинением в тирании, – а прошло столько времени – вы не отправили вора с поличным к царю, а придержали у себя неразобраным и неотмщенным судебное дело, как сообщники и единомышленники восставших против господина и самого Христа, и таким образом присуждены к тому, чтобы вас постигла справедливая кара за хорошее лжесвидетельство. Достоин ведь делатель платы своей, как по этому поводу бряцал на гусях блаженный Давид, говоря: в петлю, где они ее скрыли, попала их нога; и выступление его против бога да возместится на деле; по делам их рук, по моей молитве, воздай им, господи, и возмещение дай им, так как они с двух сторон слепы: на дела господни и на свои собственные, они разрушают, а не строят, давая плохой пример для жизни, не согласный с пророческой молитвой, несовместимый с воздействием движущего жизнь святого духа, призывающего к божественному послушанию.

Примечания

¹ - Причиной восстания были, по всем данным, притеснения со стороны посланных к славянам архонтов и стратига (см. новеллу Романа Лакапена, 934 г.).

Содержание

Апологетик Арефа, архиепископ Кесарийский	1
Предисловие	2
Апологетик	6
Примечания	10